

Наталья Антонова

Заложник
ЛЮБВИ

— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Заложник любви
Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив
Мирослава Волгина», книга 26

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70415068

Н. Н. Антонова. Заложник любви: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-200276-2

Аннотация

Наталья Антонова радует своих читателей оригинальной загадкой: Мирославе и Морису предстоит расследовать убийство, произошедшее вскоре после дня Святого Валентина!

Очень богатый, добрый и порядочный мужчина в самом расцвете сил, окруженный любовью женщин, совершает самоубийство из-за сильной ссоры с сыном. Немного странная версия, не правда ли? Однако именно ее придерживается следствие. Мирослава Волгина просто не может оставаться в стороне! Но чтобы докопаться до истины, придется изрядно попотеть, ведь в круг подозреваемых можно включить практически всех, с кем хоть когда-то общался погибший...

Содержание

Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	64
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Антонова

Заложник любви

© Антонова Н. Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

Февраль по ночам заметал дороги, думая при этом о чем-то своем. И только ветер, перебирающий струны рассеянного лунного света, был способен проникнуть в его думы и передать их тихими звуками, которые временами так напоминали звучанье старинной виолончели.

По крайней мере Морис Миндаугас, сотрудник частного детективного агентства «Мирослава», именно так воспринимал ночные звуки, проникающие в дом. Когда он поделился своим восприятием с владелицей агентства Мирославой Волгиной, она посмотрела на него с ласковой загадочностью и согласно кивнула: «Да, я тоже слышу по ночам звучание старинной виолончели».

Ничего не имел против ночной виолончели февральского ветра и пушистый черный кот Дон, любимец хозяйки.

Морис время от времени думал о том, как было бы хорошо, если бы ночной снег занес все дороги к их коттеджу. Ему бы тогда ни с кем не пришлось делить Мирославу: ни с друзьями, ни с клиентами агентства, ни с коллегами из правоохранительных органов, которые так и не перешли в разряд бывших. Но, зная о том, что мечты имеют способность время от времени сбываться, Морис отгонял прочь морок своих сладких ночных грез и, с ясным рассудком встречая утро, отправлялся чистить снег. А снег шел снова и снова.

Расчистив дорожку, Миндаугас отбросил лопату, сошел с дорожки и улегся в пушистый мягкий снег, слегка погрузился в него, как в пуховую перину. Запахло свежестью, от которой то екало, то замирало сердце. Кот Дон немного подумав, прыгнул на грудь Мориса.

– Ты нахал, – сказал ему Миндаугас. – Почему бы тебе не лечь рядом на снег.

Кот в ответ что-то невнятно проурчал на своем кошачьем языке. И не сдвинулся с места. У Мориса же рука не поднялась спихнуть в снег пушистого друга.

Так они и лежали, наслаждаясь тишиной и покоем ровно до того времени, пока из дома не вышла Мирослава и не закричала:

– Морис! Ау! Ты где? Я тебя не вижу!

– Мы здесь, – откликнулся Миндаугас.

– Где это здесь? И кто мы? Ты не один, что ли? – Мирослава сбежала с крыльца и быстро пошла по расчищенной дорожке.

Заметив лежащих на снегу Мориса и Дона, она воскликнула: «Ух ты! Снежные ванны принимаете! И без меня!» – и прыгнула к ним. Дон, слетев с груди Мориса, шлепнулся в снег! Молниеносно выскочил на дорожку, и, сердито мяукнув, встряхнулся, как собака, и помчался в сторону дома.

– Какую идиллию вы нарушили, – смеясь, укорил ее Миндаугас.

Через пару минут, осыпанные снегом с головы до ног, они выбрались на дорожку и, весело топая и отряхиваясь, пошли в сторону крыльца.

– Скоро День святого Валентина, – проговорил Морис на ходу.

Мирослава в ответ произнесла примерно такие же звуки, какие совсем недавно издал ее кот.

Морис хмыкнул и осторожно взял ее за руку.

– Ты чего? – спросила она.

– Устроим праздник? – Он заглянул в ее серо-зеленые глаза.

Морис любил День святого Валентина хотя бы за то, что середину февраля можно считать преддверием весны. А еще в этот день можно признаваться в любви...

– Я не возражаю, – ответила она и, лукаво прищурившись, добавила: – Позовем Люси!

– Только не Люси! – вырвалось у него с нескрываемым ужасом.

– Почему? – Мирослава сделала вид, что удивилась.

– Потому!

– Ты не справедлив к бедной девушке! Ты ведь знаешь, что Люси неровно дышит к тебе.

– Вот поэтому и не надо! – отрезал он.

– Но она моя подруга!

– Знаю. Но, пожалуйста, – он сложил молитвенно руки на груди, – я ведь тоже ваш друг. – В глубине души давно и упорно он надеялся стать ей ближе любого друга.

– Ладно, так и быть, – весело рассмеялась она, – тем более что Люси и сама не захочет тащиться в наш заснеженный поселок, отказавшись от заманчивой перспективы провести вечер и ночь в компании очередного пылкого поклонника.

Морис фыркнул:

– Вы только недавно говорили, что она неровно дышит ко мне.

– Одно другому не мешает, – отмахнулась Мирослава. – Не может же она годами ждать внимания от тебя, расхолаживая свой гормональный фон.

На этот раз Морис расхохотался.

– Я вижу, что ты понял меня, догадливый ты мой, – притворно вздохнула она.

– Понял, понял, – утер он тыльной стороной руки выступившие от смеха слезы и проговорил серьезно: – Зато вы

проведете вечер в компании трех галантных кавалеров.

– Двоих я, кажется, знаю. Это ты и Дон. А кто же третий?! – она сделала большие глаза. – Неужели ты позовешь Шуру на столь интимный праздник?

– Почему нет, – пожал он плечами. – Я приготовлю ужин, Шура споет под гитару, Дон создаст атмосферу уюта.

– А я? – спросила Мирослава. – Не буду ли я лишней на этом празднике высокой романтической любви?

– Конечно нет! – воскликнул он. – Ведь этот праздник имеет смысл, только когда на нем будете царить вы!

– Как жаль, что у меня такие маленькие уши, – печально вздохнула Мирослава.

– А зачем вам большие уши? – удивился Морис.

– Чтобы ты мог навешать на них побольше лапши!

На этот раз рассмеялись оба.

Немного позже Морис проговорил:

– Дело тут не в величине ушей, а в их восприимчивости.

В отличие от большинства других женщин, вы абсолютно не реагируете на комплименты.

– Ага, я люблю глазами.

– Боюсь, что вы любите головой, – вздохнул он.

– Не возводи на меня напраслину, – шутливо погрозила она ему пальцем, – я очень даже люблю красивых мужчин и всю прочую красоту.

– Вот с прочего и надо было начинать, – отшутился он и перевел выразительный взгляд на вернувшегося к хозяйке

кота.

День святого Валентина в коттедже детективов прошел так, как и запланировал Морис.

Из приглашенных гостей был только друг детства Миро-славы – следователь Александр Романович Наполеонов, он же Шура для друзей.

Хотя какой Шура гость, когда он проводит в коттедже почти все свое свободное время, в доме даже есть комната, которая называется Шуриной.

Мать следователя Наполеонова Софья Марковна шутит, что гостем он скорее является в собственном доме.

Так или иначе, но на этот раз вечер четырнадцатого февраля у Наполеонова оказался свободным, и он приехал в коттеджный поселок еще засветло.

Первое, что он сказал, зайдя в дом: «Как у вас вкусно пахнет!»

Можно, наверное, с небольшой оговоркой сказать, что кулинария была своеобразным хобби следователя. Нельзя сказать, что Наполеонов не умел готовить совсем. Нет! Оказавшись на необитаемом острове с постоянно пополняемым мешком продуктов, он не остался бы без завтрака, обеда и ужина. Но, мягко говоря, готовка не была его любимым занятием. Есть он предпочитал то, что приготовили другие. И любимым его кулинаром был Морис Миндаугас, который не только любил именно готовить, но и умел готовить так, что даже самый привередливый гурман, попробовав пригото-

ленные им блюда, стал бы его верным почитателем.

Что же говорить о Шуре, который уже давно объявил себя его фанатом! После завершения трапезы Наполеонов, как правило, пускался в самые фантастические рассуждения. Вот и на этот раз его понесло.

– Морис, как жаль, – сказал он, – что ты не родился девушкой!

– Кому жаль? – не понял Миндаугас.

– Мне, конечно, – охотно пояснил Шура. – Если бы ты родился девушкой, я бы на тебе женился, и ты бы всю жизнь вкусно меня кормил.

Мирослава фыркнула, а Морис сказал:

– Перебьешься.

– Какой ты все-таки несознательный, – с притворной печалью укорил его Наполеонов. – И чему только тебя учили в Европе?

– Я сам учился и практиковался.

– Видать, не тому учился, – продолжал гнуть свою линию Наполеонов.

– Шура, отстань, – лениво попросил Миндаугас, – а то я тебя придушу.

– Родного друга? – Наполеонов сделал удивленные глаза.

Детективы расхохотались.

– Ладно, если уж ты такой щепетильный и не желаешь шагать в ногу с Европой, оставайся с нами, со скифами, и женись на Славке.

На этот раз придушить Шуру пообещала Мирослава.

– Недобрые вы, – сказал он, – уйду я от вас!

– Куда? – спросили в один голос детективы.

– Спать! – отрезал Шура.

– Спать с полным животом вредно, – сказала Мирослава.

– Все-то ты знаешь, – огрызнулся Наполеонов.

– Ладно, не злись, – проговорила она примирительно, – лучше спой нам чего-нибудь.

– Хорошо, спою, – вздохнул он и предупредил: – Только песня будет невеселая.

– Пой что хочешь.

Морис ходил за гитарой, и Шура, усевшись поудобнее, запел:

Под сапогом чужой морали,
Как дышится тебе? Едва ли
Ты слишком счастлив и здоров
И вырваться не хочешь из оков.

Ну что еще нам брякнет с колокольни
Общественное мнение? Увы!
Своей судьбой мы недовольны,
Нам хочется свободы и любви!

И райских кущ, и лавров, и магнолий!
И чтобы в губы кто-то целовал,
Когда ты задыхаешься от боли,
Когда от пустоты и суеты устал.

А жить как все – крест непосильный!
Страх осуждений, прочь лети!
Я молодой, неглупый, сильный!
И мне с такими ж по пути!

Я сам свое измеряю счастье,
Отвечу сам за жизнь свою.
Гитару, заключив в объятия,
В кругу друзей не раз еще спою.

После чего он все-таки ушел в свою комнату. А Морис и Мирослава остались прибираться на кухне после празднования Дня влюбленных.

Глава 1

Лия Артемьевна Свиридова, красивая двадцатишестилетняя шатенка, жена Леонтия Свиридова, подошла к окну в своей спальне, чтобы раздвинуть тяжелые портьеры, но, едва отодвинула одну из них, забыла, зачем подошла. «Какая красота! Просто сказка!» – подумала она. И действительно, вид за окном завораживал. Ночью выпал снег. Он мерцал и медленно покрывался стыдливым румянцем под многообещающим взором утренней зари. Все деревья в царственном сияющем убранстве так же розовели! И прикрывались заснеженными ветвями, как красавицы рукавами шуб. А потом на бледно-серебряном небе появилось солнце! Глаз не оторвать!

Сердце женщины просто упало от такого великолепия! «Жизнь все-таки прекрасна, – подумала она, – и только сам человек может сделать ее еще прекраснее и комфортнее».

* * *

На День святого Валентина собрались все шесть жен любвеобильного Леонтия Свиридова. Он любил встречать праздники в семейном кругу. Лия была шестой женой Леонтия – и на данный момент самой любимой. Однако и преж-

них своих жен любить он не переставал. Просто, увлекаясь очередной женщиной, Леонтий разводился с той, на которой был женат, и вступал в новый брак. Иначе никак было нельзя. За многоженство можно отправиться в места не столь отдаленные. А так все по закону. При этом Леонтий продолжал не только поддерживать, но и содержать всех своих детей, это же касалось и всех предыдущих жен.

Женщины, как ни странно, ничего не имели против сложившейся ситуации.

Вот и на этот раз они вместе приготовили праздничное угощение и накрыли стол.

Счастливый Леонтий сидел во главе стола и чувствовал себя чуть ли не восточным владыкой позапрошлого века. Он с довольным видом оглядывал своих жен, находил для каждой неповторимый, только ей предназначенный комплимент, нахваливал приготовленные ими кушанья и отпускал совсем не обидные веселые шутки, танцевал с каждой женой по очереди, интересовался успехами детей и здоровьем жениных родственников. Короче, ни дать ни взять большая дружная семья.

Ночевать все жены остались в большом, не так давно отстроенном особняке Леонтия. Он, собственно, и сам считал, что построил его не только для Лии и их маленького сына Кирюши, но и для остальных пяти жен и всех детей от них. Втайне он мечтал о том, что наступит время, и все они будут жить вместе, а не просто приходить время от времени в го-

сти к ним с Лией. Но вслух свою мечту он пока озвучивать не решался. Ему казалось, что Лия может его неправильно понять, несмотря на то что с визитами к ним в дом Анны, Антонины, Марины, Зинаиды и Светланы она мирилась, не выказывая недовольства, даже если оно у нее и имелось. Хотя Леонтий очень надеялся на то, что Лия не испытывала дискомфорта. Ему даже казалось, что девочки – как он называл своих жен в интимной обстановке – подружились между собой.

Может быть, так оно и было. Чего только не бывает на белом свете. Недаром еще мудрый Шекспир в шестнадцатом веке сказал устами Гамлета: «Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Так что Леонтий не исключал, что недалек тот час, когда его мечты станут реальностью.

В доме супругов Свиридовых у Лии и Леонтия были раздельные спальни. Для того чтобы не заставлять других жен чувствовать себя отвергнутыми, каждый из супругов ночевал в своей спальне. Так случалось каждый раз, когда под одним кровом собирались все шесть жен любвеобильного Леонтия Свиридова.

Когда жены проснулись на следующее утро, Леонтия уже не было с ними. Это не слишком-то и удивило их, потому что такое случалось не раз.

После совместного завтрака старшая жена – так остальные жены называли первую жену Леонтия, Анну Геннадьев-

ну, – решила посмотреть по камерам, во сколько же их общий муж покинул дом. Все остальные согласились с ней. Машина Леонтия выехала с участка во втором часу ночи. Это несколько удивило женщин, и они посудачили о том, куда это Леонтий мог сорваться ночью. Предпоследняя жена Свиридова, Светлана Емельяновна, покосившись на его нынешнюю официальную жену, Лию Артемьевну, высказала вслух неуверенное предположение, не завел ли Леонтий себе пасию на стороне.

– Леонтий не такой! – заступилась за Свиридова четвертая жена, Зинаида Яковлевна. – Он порядочный! Если влюбится в новую женщину, сообщает об этом той, с которой состоит в браке, и разводится с ней.

Вторая жена, Антонина Савельевна, в ответ на это пылкое заступничество только фыркнула.

– Разве я не права? – спросила Зинаида Яковлевна и обвела взглядом присутствующих, словно ища поддержки.

– Права, Зиночка, ты абсолютно права, – вздохнула Анна Геннадьевна.

– А не заигрались ли мы, девочки? – обронила, ни на кого не глядя, Марина Александровна – третья жена Свиридова.

Ей никто не ответил. И только Зинаида Яковлевна жалобно всхлипнула:

– Леонтий все равно хороший.

– Кто же спорит, – согласилась с ней Анна Геннадьевна.

Зинаида же Яковлевна, словно не слыша ее, продолжала:

– Он никого из нас не бросил с детьми на руках, всем помогает, всех полностью содержит.

– Что верно то верно, – проговорила Антонина Савельевна, – но все-таки я за то, чтобы у каждой был свой муж.

Зинаида Яковлевна отвернулась, она все еще была влюблена в Леонтия, как в день их свадьбы. Только тогда она, несмотря на его честное признание в неудержимой влюбчивости, верила всем сердцем, что на ней Леонтий остановится и они будут жить долго и счастливо. Но глупое сердце обмануло Зиночку, и Леонтий спустя всего полтора года влюбился в Свету. Когда Леонтий сообщил Зинаиде об этом, она долго не могла поверить своим ушам. А потом стала умолять его, чуть ли не в ногах валяясь. Но это не помогло ей. Леонтий твердил упрямо: «Зина! Я же предупреждал тебя! И ты знала о моей маленькой привычке часто жениться на любимых женщинах».

Зинаида согласно кивала: «Да, да, знала. Но знать – это одно, а почувствовать на своей шкуре всю эту боль разлюбленной брошенной жены, это совсем другое».

– Что за глупости ты говоришь! – поморщился тогда Леонтий. – Кто тебя бросает? Я буду заботиться о тебе и нашей дочери! Да и любить я тебя продолжу! Не сомневайся.

Зинаиде пришлось смириться. Но она так и не смогла разлюбить Леонтия, на других мужчин она даже смотреть не хотела, хотя другие мужчины смотрели на Зинаиду Яковлевну с удовольствием. Находились те, которые были не прочь

поухаживать за ней и даже завести роман с серьезными перспективами. Но Зиночка одаривала их таким взглядом, что с первого же раза отбивала всякую охоту ко второй попытке общения с ней.

Да и вообще, насколько было известно, ни одна из жен Свиридова после развода с ним не завела серьезных отношений с другим мужчиной, так как это было чревато потерей большой материальной поддержки от Леонтия.

На деньги, которые выделял женам Леонтий, они могли не только припеваючи жить, не работая, но и ездить по два раза в год на заграничные курорты, одеваться в брендовые вещи и кушать каждый день на завтрак не только красную, но и черную икру. Короче, денег на свою собственность Леонтий не жалел. Но золотой источник тотчас бы иссяк для любой из жен, заведи она себе новую любовь. Так что жены предпочитали пламени любви блеск, как говорится, презренного металла. Но, видимо, не такой уж он и презренный...

Шли годы, количество жен росло, но это никак не сказывалось на качестве их содержания.

Дольше всех Леонтий прожил с Лией. Они в браке немногим более пяти лет. Пятилетний юбилей, или деревянную свадьбу, Леонтий и Лия отпраздновали в самом начале ноября. Празднество Свиридов устроил за городом в кафе «Старый терем». Здание, в котором располагалось кафе, и впрямь было построено из дерева, и внутренняя отделка и убранство так же были деревянными. На торжество Свиридов собрал

всех своих жен. Для увеселения гостей были приглашены деревенские музыканты, которые за короткий срок, отведенный им Свиридовым, слились в ансамбль и оправдали все его ожидания. Угощение в основном состояло из мяса, рыбы, грибов, овощей и всевозможных даров природы.

Но вот подарок, который Свиридов преподнес Лие, был выдержан вовсе не в деревенском стиле. Правда, шкатулка, в которую был вложен подарок Леонтия, была вырезана искусным мастером из дерева. Но вот лежавшие в ней драгоценности были из желтого и белого золота с вставленными в оправу бриллиантами, изумрудами, рубинами и прочими драгоценными камнями.

Все другие жены Леонтия также не остались без подарков. Правда, врученные им шкатулки были меньшего размера и вмещали всего по тройке украшений. Однако, судя по их лицам, они остались довольны.

Что касается Лии, то ее глаза сияли ярче всех, вместе взятых, самоцветов.

Завидовали ли ей предыдущие жены Свиридова, трудно сказать. По крайней мере пару слезинок утерла только Зинаида Яковлевна. Да и она вскоре развеселилась и отплясывала вместе со всеми.

После завершения торжества все промчались на тройках с бубенчиками по дороге, запорошенной первым снегом. А потом на автомобилях вернулись в город.

Дома за вечерним чаем, оставшись наедине с Лией, Леон-

тий спросил, довольна ли она сегодняшним днем. И она честно призналась, что очень довольна.

– Спасибо тебе, Леонтий. – Лия подошла к мужу и поцеловала его в губы.

А он в ответ подхватил ее на руки и унес в спальню. В этот раз он оставался с ней до самого утра. И Лия действительно была счастлива.

До сих пор на горизонте их супружеской жизни даже крохотным облачком не появлялось ни одной соперницы.

Так было в ноябре.

Глава 2

Женщины разъехались по своим квартирам. В доме осталась только последняя жена Леонтия – нынешняя хозяйка роскошного особняка – Лия Артемьевна Свиридова, в девичестве Маевская.

Ее четырехлетний сын Кирюша в связи с устроенным взрослыми праздником влюбленных ночевал у своей няни Фаины Михайловны Ермолаевой.

Привести ребенка домой няня должна была после того, как ей позвонит Лия. Она уже и собралась было позвонить, но почувствовала, что вся горит, и легла обратно в постель. Фаина, приученная хозяйкой к дисциплине, сама звонить не стала, решив, что праздник затянулся. Что ж, она профессиональный воспитатель, как-никак, училась и имеет педагогическое образование, год проработала в детском саду, и тут ей предложили работу няни у Свиридовых. Зарплата головокружительная! Работа примерно та же, что и в детском саду. Но ребенок всего один. И при этом очень смышленный и воспитанный мальчик. Прежняя няня уволилась по семейным обстоятельствам и уехала в Мурманск к дочери. Уезжая, искренне сокрушалась и подробно рассказала о привычках мальчика новой няне. Так что Фаина считала, что ей крупно повезло, и не собиралась беспокоить хозяйку по таким пустякам, как несколько лишних часов работы, которые к тому

же, как она была уверена, будут щедро оплачены.

Ближе к обеду Лия нашла в себе силы доползти до кухни и сделать себе чай с малиновым вареньем. После чего позвонила няне сына и проговорила, кашляя в трубку:

– Фая, тут такое дело, я, кажется, простыла. Не могла бы ты подержать Кириюшу несколько дней у себя? А то я боюсь его заразить.

– Конечно, могу, Лия Артемьевна! – быстро ответила де-вушка. – Вы поправляйтесь и ни о чем не волнуйтесь.

– Спасибо, Фая, я тебе сама позвоню.

– Хорошо, Лия Артемьевна.

Отключив связь, Лия измерила температуру и выпила таблетку аспирина. После обеда вернулась домработница – Аграфена Тихоновна Лутковская.

Домработница – это было только названием. На самом деле Аграфена Тихоновна была при отце Леонтия хозяйкой дома, а самому Леонтию она заменила рано ушедшую мать.

Первым делом Аграфена Тихоновна спросила:

– А где Леонтий?

– Откуда же мне знать, – сердито ответила Лия Артемьевна. В глазах молодой женщины блеснули слезы.

Аграфена Тихоновна тихо вздохнула и отвернулась. Ей ли не понимать Лию? И как женщина женщину она понимала молодую жену своего воспитанника, искренне сочувствовала ей. Как, впрочем, сочувствовала она и всем его предыдущим женам.

Но Леонтий вырос на ее руках, мать его Ольга Никифоровна скончалась, когда мальчику исполнилось всего девять месяцев, и она самозабвенно любила его как собственного сына, несмотря на его многочисленные недостатки и пороки. Собственно, бог с ними, с недостатками, но вот пороки. Их было два – Леонтий с детства страсть как не любил работать! И с еще большей страстью он любил женщин.

Первый недостаток компенсировался тем, что покойные родители Леонтия оставили ему такое огромное состояние, что потратить его было трудно не только детям Леонтия, внукам, но и правнукам.

Но это, если мужчина ведет нормальный образ жизни, имея одну жену и парочку детей. Хотя ладно, пусть бы женился еще дважды, на худой конец трижды. Но у Леонтия уже шесть жен, и Лутковская подозревала, что на этом ее любимец не остановится.

И вот он, судя по всему, нашел себе новую пассию и сбежал, оставив приглашенных в дом на праздник любви всех прежних жен на попечение своей нынешней жены. «Дай бог ей терпения», – прошептала она одними губами.

Аграфена Тихоновна время от времени чувствовала себя виноватой перед женами Леонтия. Как-никак, это она его воспитала. Андрей-то Борисович после потери жены сам было чуть не слег. Хорошо, что был тогда жив его тесть. «Суровый был старик, – подумала Аграфена Тихоновна, – царство ему небесное». Но тогда именно он подставил зятю плечо и

не попросил, а приказал жить ради сына и их дела. «Вот и верь слухам, – думала Лутковская, – в свое время только ленивый не говорил, что Андрюша женился на Оленьке из-за денег. А оно вон как повернулось, так и не женился после ее ухода. А уж женщины-то как бегали за ним! Гроздьями на шее висли. А он ни-ни. Моя Оленька, говорил, всегда в моем сердце».

Лутковская сначала побаивалась нового брака Андрея Борисовича. Боялась больше за мальчика, а ну как мачехе Леонтий не ко двору придется. Отправят тогда мальчишку за тридевять земель в какое-нибудь иноземное царство. И поминай как звали!

Но по прошествии нескольких лет и особенно после ухода тестя Свиридова Аграфена Тихоновна сама негласно стала подталкивать хозяина к женитьбе. Но он, заметив ее потуги, только рассмеялся и, ласково похлопав ее по руке, сказал: «Не надо, Груня. Ничего у тебя не выйдет, я так сильно любил Ольгу, что после того, как ее не стало, мое сердце напроць разучилось любить».

– Грех так говорить, Андрюшенька, голубчик мой, – прошептала она тихо.

– Грех не грех, Груня, а правду от самого себя не скрыть. К тому же у меня есть сын, ты и моя работа.

«Вот с упоминания о работе и начинал бы», – подумала про себя Лутковская. И она была права, так как Андрей Борисович не то что дневал и ночевал на своей работе, он ею

жил. И трудно было сказать, были ли в его жизни часы или хотя бы минуты, во время которых он не думал о своей работе.

Так Леонтий остался не только без материнского пригляда, но и без отцовских наставлений.

Аграфена Тихоновна, конечно, старалась заменить ему обоих родителей. Но строгой с мальчиком быть не сумела, вот и разбаловала его своей лаской да опекой. «Хорошо еще, что он не вырос злым, не стал игроманом или, не дай бог, наркоманом», – думала про себя Лутковская.

И только тут, отмахнувшись от своих мыслей, Аграфена Тихоновна присмотрелась к Лии и заметила не только ее покрасневшие глаза, но и хлюпающий нос. А лицо ее вообще горело ярким нездоровым румянцем.

– Лия, что с тобой? – спросила встревоженная не на шутку Лутковская. «Мало, что Леонтий загулял, так еще никак и Лия заболела».

Молодая женщина ответила, подтверждая ее слова:

– Заболела я, кажется, Аграфена Тихоновна.

– Да где же это ты простыть умудрилась-то? – всплеснула руками Лутковская.

– Как Леонтий не пришел, я нервничать стала. Тем более и телефон его молчит. Вот я и стала выбегать за ворота. Глупо, конечно, я понимаю.

– Еще как глупо, – согласилась с ней Аграфена Тихоновна, – выбегала небось не одевшись?

– Шарф накидывала.

– Шарф она накидывала, – проворчала Лутковская, – не лето на дворе!

– Теперь-то я уж понимаю, – прошептала Лия и отключилась.

Испуганная домработница вызвала «Скорую». Температура у молодой женщины к их приезду поднялась до сорока.

Но тем не менее от госпитализации Лия отказалась. Медики не стали настаивать, подробно разъяснив Аграфене Тихоновне, как ухаживать за больной, уехали. Наказав, если что, вызвать «Скорую» повторно.

Но, к счастью, «если что» не случилось. Лутковская, ухаживая за Лией, выполняла все их предписания, и молодой женщине стало лучше. Правда, она продолжала надрывно кашлять, и насморк требовал не носовых платков, а чуть ли не целых простыней, но температура уже не была такой пугающей.

Улучив момент, Лутковская спросила:

– Где Кирюша-то?

– Он у Фаи, – ответила Лия.

– Ну слава тебе господи, – отозвалась Аграфена Тихоновна. Она не хуже Лии знала о надежности Фаины Ермолаевой, поэтому одобрила решение Свиридовой не забирать ребенка домой. – Пусть поживет у Фаины, а то ты страсть как кашляешь и сопливишься.

Лия кивнула и тихо сказала:

– Я посплю немного, у меня что-то глаза слипаются.

– Спи, конечно. – Лутковская поправила подушку большой и со всех сторон подоткнула одеяло, после чего чуть ли не на цыпочках вышла из спальни жены Леонтия.

Чтобы отвлечь себя от беспокоящих ее мыслей, Аграфена Тихоновна занялась домашними делами. Но готовка заняла мало времени, поэтому Лутковская затеяла генеральную уборку, не забывая время от времени заглядывать к Лии и отслеживать состояние ее здоровья.

Выбранный ею метод отвлечения от беспокойства помог: к вечеру Лутковская валилась с ног и уснула она сразу же, как только голова ее коснулась подушки. Но проснувшись утром, Аграфена Тихоновна почувствовала себя полностью отдохнувшей, бодрой и полной сил. И вот тут-то все терзавшие ее накануне беспокойства вернулись к ней снова.

Леонтий не вернулся ни на следующий день, ни через два дня. Телефон его упорно молчал.

Аграфена Тихоновна обзвонила всех жен Леонтия. Он не объявлялся ни у одной из них, сами жены, как ей показалось, не очень-то и расстроились. Видимо, заподозрили, что Леонтий после пяти лет устойчивого брака с Лией все-таки встретил другую женщину или девушку, пленившую его влюбчивое сердце. Только Зиночка, Зинаида Яковлевна, тихо ойкнула, а потом неожиданно расплакалась. Но и она, успокоившись, проговорила холодно:

– Наверное, Лия, как и все мы до нее, приелась Леонтию.

Лутковская же, отчаявшись, решила обратиться в полицию. Но оказалось, что все не так просто. Ее спросили, кем она приходится пропавшему, по ее словам, Леонтию Андреевичу Свиридову.

– Он пропал не по моим словам, – не выдержала Лутковская, – а пропал на самом деле! Я же прихожусь ему домработницей.

– Здрассти вам! – присвистнул дежурный.

– Здравствуйте, – несколько растерянно ответила Аграфена Тихоновна.

– Вы меня не поняли, – проговорил дежурный, поморщившись.

«Как можно неправильно понять, здоровающегося человека», – подумала Лутковская.

Но дежурный легко развеял ее сомнения:

– Вы ему не родственница!

– Я ему ближе! Я Леонтию как мать! Он рос на моих руках.

– Это все не имеет значения, – продолжал гнуть свою линию дежурный, – у вашего Леонтия есть родители?

– Нет!

– А жена?

– Жена есть, – пробормотала Аграфена Тихоновна, – и даже не одна, – вырвалось у нее.

– Что значит не одна, – нахмурился дежурный, – он что, этот ваш Свиридов, падишах или обыкновенный многоже-

нец?

– Ни то ни другое! – отрезала Лутковская. – Жены бывшие.

– А в настоящий момент он женат? Или со всеми успел развестись?

– Сейчас он женат на Лие Артемьевне Свиридовой.

– Вот пусть эта Лия придет и подаст заявление о пропаже мужа.

– Лия болеет, она не может сейчас прийти.

– Судя по тому, что ваш Свиридов большой любитель жениться, она может не торопиться. Пусть поправится и придет.

Аграфена Тихоновна хотела было настоять на своем, но потом догадалась, что дежурный не хочет принимать у нее заявление, считая, что Леонтий просто где-то загулял. «Зря я сказала ему, что у Леонтия было несколько жен, – укорила себя Лутковская, – и кто меня за язык тянул?» Она махнула рукой и ушла.

На следующий день Лия встала с постели и, вопросительно посмотрев на Аграфену Тихоновну, неуверенно проговорила:

– Наверное, надо в полицию обратиться.

– Была я вчера там, – ответила та, – они и слушать меня не стали.

– Как это? – удивилась Лия.

– Сказали, что заявление должна подать жена.

– Вообще-то, по закону, не только, – обронила молодая женщина и залилась слезами.

– Не плачь, деточка, мы вот завтра вместе с тобой пойдем, – сказала Лутковская и погрозила кому-то невидимому грозно кулаком.

– А почему не сегодня? – спросила Лия.

– Потому что ты первый день как встала. В поисках Леонтия один день погоды не сделает, а ты, если не побережешься, опять свалиться можешь.

Лия вздохнула, но спорить с домработницей не стала.

На следующий день заявление в полиции у них взяли. Но дни шли за днями, а Леонтий все не находился. Аграфена Тихоновна смотрела, как спадает с лица и мрачнеет Лия. Да и сама она места себе не находила. Но что делать, Лутковская не знала. Официальные лица давали один и тот же ответ: «Надо ждать. Поиски идут».

И женщины ждали. Они мало разговаривали друг с другом. Все, что можно, уже было переговорено. Лия практически не выходила из дома. Аграфена Тихоновна ходила по магазинам и отвозила продукты Фаине Ермолаевой. Решено было, что Кирюша пока поживет у няни. Нечего ему дома томиться в гнетущей обстановке.

Вскоре Лутковская к Ермолаевой ездить перестала, так как Фаина не выдержала и сказала:

– Что вы, Аграфена Тихоновна, руки тяжелыми сумками надрываете!

– Не тебе же по магазинам с ребенком ходить! – сказала Лутковская.

– Да зачем же ходить-то? – всплеснула руками Фаина и посмотрела на домработницу как на свалившуюся с луны. – Можно же все по телефону заказать!

Аграфена Тихоновна слышала, что можно. Но сама она предпочитала на все, прежде чем купить, своими глазами посмотреть и потрогать. Но она так устала за последнее время не столько физически, сколько морально, что сказала:

– Коли можно, заказывай. Деньги я буду тебе на карточку класть.

– Договорились, – почему-то обрадовалась Фаина. Скорее всего, ей надоело каждый день видеть хмурое лицо Лутковской. А судьба хозяина не очень-то и волновала девушку. Относилась она к нему с легким пренебрежением: нигде не работает, живет на широкую ногу, все время новых жен заводит и размножается с ними. «Короче, не мужик, а трутень», – так думала Фаина Ермолаева.

Глава 3

С каждым днем ожидания таяла надежда на возвращение Леонтия живым и здоровым. Но Аграфена Тихоновна упорно продолжала молиться за его здоровье.

И вот спустя еще две недели мальчишки, приехавшие покататься на коньках на находящееся за городом малопосещаемое озеро, увидели страшную картину: кто-то смотрел на них сквозь тонкий ледок затянувшейся проруби. Они дико закричали в два голоса и кинулись к берегу.

Отец их как раз доставал из машины рыболовные снасти.

– Вы чего? – бросил он удивленный взгляд на сыновей.

– Папа! Там! Там! – замахал рукой, показывая на озеро, один из них. – Там кто-то есть!

– Кто там может быть кроме рыбы? – недоуменно спросил мужчина.

– Папа! Ты не понял! – заговорил второй сын. – Там кто-то смотрел на нас из проруби!

– Откуда?

– Из проруби!

– Что вы такое говорите? – спросил мужчина, и взгляд его невольно упал на стоявшую неподалеку чужую машину. На озеро приехать мог кто угодно. Хотя сюда и местные приезжали нечасто с тех пор, как в домах появилась вода. Рыбы в озере, по словам старожилков, водилось мало. И если раньше

на озере зимой каталась на коньках детвора, то теперь в этом поселке на окраине жили в основном старики, а им не до катания на коньках. Сам Олег Максимович Максудов приехал на выходные помочь отцу по хозяйству и детей с собой привхватил. Как он сам говорил сыновьям: «Надо вашей матери дать от нас отдохнуть». Хотя сыновьям даже в голову не приходило, что мама могла от них устать. Но она не возражала против их поездки к деду, сама же ехать с ними отказалась.

– Чего и следовало ожидать, – прокомментировал ответ жены Олег Максимович и заговорщически подмигнул сыновьям. Приехав на место, Максудов быстро выяснил, что отец вовсе и не нуждался в сыновней помощи по хозяйству. Так что, если в чем и нуждался Максим Тимофеевич, так это в общении, так как сильно соскучился по внукам.

Поэтому Максудов, решив совместить полезное с приятным, быстро переделал все хозяйственные дела, которые только нашел, и повез сыновей на озеро. Пусть в нем рыбы мало, но вдруг ему повезет и какая-то из них зазеваётся и попадет на его удочку. А сыновья тем временем покатаются на старых отцовских коньках. Благо их в старом отчем доме как раз две пары и завалилось, какая из них новее, Олег Максимович и сам не помнил.

«И вот тебе называется отдохнули», – подумал он недовольно и пошел посмотреть на то, что могло так сильно напугать его сыновей. Подойдя к проруби и взглянув на нее, Максудов отпрянул и, не отдавая себе отчета, попятился на-

зад. Но тут он сообразил, что сыновья не сводят с него глаз. Показывать перед ними свою слабость мужчине не к лицу. Да и что за пример подает он им своим поведением. Поэтому Олег Максимович, пересилив страх и отвращение, присел возле проруби на корточки. Ему почти сразу же стало понятно, что из круглого окошка проруби на них смотрит не живое существо, а утопленник. Тяжело вздохнув, Максудов достал сотовый и вызвал полицию. Потом позвонил отцу и попросил приехать и забрать детей.

К чести Максудова-старшего, надо сказать, что Максим Тимофеевич, не задав сыну ни одного вопроса, забрал Сашу и Артема и увез их в поселок.

Олег успел спросить у отца:

– Батя, ты не знаешь, это машина давно здесь стоит?

Он кивнул в сторону запорошенного снегом автомобиля.

– Понятия не имею, – коротко ответил отец.

Когда на пульт дежурного поступило сообщение об обнаружении рыбаком утопленника, дежурившая группа во главе со следователем Наполеоновым скучала и время от времени поглядывала на часы. И вот когда до конца дежурства оставалось всего ничего: «Группа! На выезд!»

И куда? На самую окраину, считай, почти что в пригород. К тому же даже не в сам поселок, а на озеро, находящееся то ли в пяти, а то ли в десяти километрах от него.

– У них там никого, что ли, поближе не было? – сердито зевая, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, судмед-

эксперт Шахназаров.

– Это все потому, Руслан Каримович, – мрачно пошутил следователь Наполеонов, – что они только твоему опыту доверяют.

– Тоже мне шутник выискался, – не менее мрачно отозвался Шахназаров.

– Не ссорьтесь, хлопцы, – миролюбиво произнес эксперт-криминалист Афанасий Гаврилович Незовибатько, – сейчас разберемся на месте и по домам.

– Ага, размечтался, – не утерпел Наполеонов.

– Александр Романович, не накаркайте, – жалобно попросил оперативник Ринат Ахметов.

– Я тебе, капитан, не ворона, – сделал вид, что обиделся, Наполеонов и завел было: – Но чуёт мое сердце... – после чего сам себя оборвал и махнул рукой.

Второй оперативник – Дмитрий Славин – не принимал участия в разговоре, потому, что ему было банально лень пререкаться со следователем.

Старший лейтенант Аветик Григорян был занят разгадыванием кроссворда, и ему абсолютно все равно, где было это делать, поэтому к разговору сослуживцев он если и прислушивался, то самым краем уха, и не брал их обмен «любезностями» в свою молодую голову.

Полицейский фотограф Валерьян Легкоступов на данный момент испытывал примерно то же чувство, что испытывает охотничья собака в предвкушении близкой охоты. Он с тру-

дом заставлял себя спокойно сидеть на сиденье полицейского автомобиля. Если до него и долетали реплики сослуживцев, то он игнорировал их, внимательно следя за пролетающим мимо окна пейзажем.

Один раз он хотел спросить у Наполеонова, долго ли им еще ехать. Но, дабы не нарваться на грубость недовольного отправкой на выезд следователя, благоразумно промолчал.

И вот наконец автомобиль остановился, группа высыпала из машины на почти неутоптаный снег.

Навстречу им сразу же двинулся до этого неподвижно стоявший на берегу мужчина лет тридцати пяти.

– Здравствуйте, – сказал он, подойдя ближе. – Это я вас вызвал.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил следователь и представился сам, – следователь Александр Романович Наполеонов. – Остальную группу он представлять не стал.

– Олег Максимович Максудов, – назвал себя мужчина.

– Как вы здесь оказались? – спросил следователь.

– Очень просто, – пожал плечами мужчина и начал рассказывать: – В эту пятницу вечером я вместе со своими сыновьями приехал к отцу. Вчера весь день мы провозились с делами. Сами понимаете, дом частный, так что всегда найдется, что делать. А сегодня с утра решили с сыновьями прокатиться на озера. Я тут, почитай, года два, а то и больше не был.

– Что так? – спросил следователь.

– Живу я с семьей в городе и всегда занят: семья, работа.

– А в отпуск?

– В отпуск, – несколько смущенно признался Максудов, – жену с детьми вывозил на море.

– Оно, конечно, – согласился следователь с непроницаемым лицом, – озеро не море.

– Отец вот к нам каждый год приезжал, – быстро проговорил мужчина. – Тут ведь и ехать-то каких-нибудь полчаса, – добавил он.

– Олег Максимович, – напомнил следователь, – вы сказали, что с вами были дети. Однако я не вижу их. Где же они?

– После звонка в полицию я позвонил отцу – он приехал и забрал их.

– Даже так, – обронил Наполеонов.

– Они еще маленькие, – насупился Максудов. – Вы ведь будете вытаскивать его, – мужчина кивнул в сторону проруби.

– Придется, – подтвердил Наполеонов.

– Так вот не надо им на это смотреть, – упрямо проговорил мужчина.

– Сколько лет вашим сыновьям?

– Десять и восемь лет.

– И вправду, – вздохнул следователь, – лучше им всего этого не видеть. Но ведь они первые заметили, – он хотел сказать труп, но сказал потерпевшего.

– Да, ребята заметили. Только они, по-моему, ничего не

поняли, испугались и сказали мне, что на них кто-то из проруби смотрит.

– Вы, Олег Максимович, подождите пока здесь, – сказал следователь и направился к проруби, где уже всюду трудился Валерьян Легкоступов. Частые вспышки его фотоаппарата, казалось бы, могли вернуть к жизни любого умершего. Но это только так казалось. Вытащенный на берег распухший труп, так и остался трупом. Первым над ним склонился судмедэксперт Шахназаров.

– Ну что, Руслан Каримович? – нетерпеливо спросил Наполеонов.

– Что сказать тебе, Александр Романович, – протянул тот.

– Хоть что-то скажи! – Наполеонов аж ногой на месте приотпнул.

– Сейчас только и скажу, что видимых повреждений, которые могли бы привести к смерти, нет.

– А что это за борозда у него на лбу?

– Скорее всего, за корягу зацепился. И вообще, все, как всегда, после вскрытия. Наберись терпения.

– Наберусь, куда же я денусь, – проворчал Наполеонов.

Ахметов проверил карманы утопленника и констатировал: ничего нет – ни телефона, ни карточек, ни денег.

– Вообще пусто! Такое может быть? – спросил он.

– Сомневаюсь, – сказал Наполеонов. – Там машина стоит. Скорее всего, его. Надо осмотреть. Может, что-то найдется. Но в машине тоже не обнаружилось ничего полезного.

– Может, он сам? – проговорил следователь с выражением детской мечты на лице.

– Ага, – усмехнулся Славин, – надоело человеку жить, приехал он на окраину города. Озеро, тишина, благодать! И главное, прорубь уже готовая. И он бултых туда с головой!

– На нем одежда дорогая, – неожиданно для всех сказал старший лейтенант Григорян.

– А ты, Аветик, откуда знаешь? – с любопытством спросил следователь.

– Так видно же, – пожал тот плечами.

– Мне вот, например, ничего не видно, – заметил Ахметов и предположил: – Небось у тебя, Аветик, дома два шкафа зарубежными шмотками забиты.

– Ничего у меня не забито, – ответил Григорян, – и вообще, у меня только один шкаф.

Почему-то все, кроме Незовибатько, рассмеялись. Наверное, сказывалось нервное напряжение.

Эксперт-криминалист был далеко и не слышал их разговора. А свидетель был занят тем, что старался не смотреть на утопленника.

– Олег Максимович, вы все-таки посмотрите на него, – попросил Наполеонов, – может быть, вы его видели здесь.

– Я же вам уже говорил, – с некоторым раздражением в голосе ответил Максудов, – я здесь сто лет не был!

– Сто не сто, – меланхолично продолжил настаивать следователь, – может, где-то в другом месте видели его.

Пересилив себя, Максудов посмотрел на труп и покачал головой:

– Нет, нигде я его не видел.

– Ладно, – сжалился над ним Наполеонов, – подпишите протокол и можете ехать домой. Мы заедем к вам.

– Зачем?

– Надо переговорить с вашим отцом.

– Отец ничего не знает!

– Не горячитесь вы так. Не знает так не знает. Но мы хотим услышать это от него.

– Ладно! Заезжайте! – Максудов махнул рукой и продиктовал адрес.

– А не зря вы его отпустили, Александр Романович? – спросил Ринат Ахметов. – Если отец его видел этого типа, – он кивнул в сторону трупа, – то после разговора с сыном может закрыть рот на замок.

– Сомневаюсь я, что он мог его видеть, – покачал головой Наполеонов.

– Это еще почему?

– Разного поля они ягоды, – уверенно сказал следователь.

– Вы что, тоже хорошо в импортных шмотках разбираетесь? – спросил оперативник.

– Хорошо не хорошо, – ушел от ответа Наполеонов, – но Аветик прав: мужик не на рынке одевался.

Шахназаров достал мобильник и вызвал санитаров, чтобы они отвезли утопленника в морг. После чего пообещал Напо-

леонову поскорее сообщить причину смерти. По глазам следователя он заметил, что тот продолжает надеяться на естественную кончину, и усмехнулся в свои густые усы.

Подошел Незовибатько и с преувеличенной вежливостью спросил:

– О чем идет беседа.

– Тебя ждем, Афанасий Гаврилович! – отрезал следователь и спросил: – Чего ты там по снегу ползал?

– Пытался проследить маршрут покойного от машины до проруби, – ответил Незовибатько.

– Отследил?

– Следов нет. Даже если они и были, их снегом занесло. Обнаружил на кусте терна зеленое волоконец. Но неизвестно, принадлежит ли оно утопленнику.

– На нем вроде ничего зеленого не было, – покачал головой Наполеонов.

– Тем не менее одежду я тщательно исследую.

– Исследуй на здоровье, – разрешил Наполеонов.

– Спасибо, благодетель. – Незовибатько картинно раскланялся.

– Может, уже поедем? – спросил Дмитрий Славин. – Чего здесь еще околачиваться? И холодно, мороз до костей пробирает.

– Скажите, какой нежный, – пробурчал Наполеонов. – Народная пословица говорит, что февраль коровий бок греет.

– Может, он корове и греет бок, – присоединился к Сла-

вину Григорян, – а у меня тоже ноги к ботинкам примерзли и ничего почти не чувствуют.

– Надо надевать теплую обувь, – наставительно проговорил Незовибатько, – вон рекламируют унты!

И все почему-то снова рассмеялись. Но в конце концов погрузились в машину и поехали к Максудовым.

Однако Максудов-старший ничем их порадовать не смог. Он с бесстрастным выражением лица просмотрел предложенные ему снимки фотографа-криминалиста и сказал, что встречаться с этим человеком ему не приходилось.

– Жаль, – обронил Наполеонов.

Максудов-старший развел руками и пояснил, что на озеро это редко кто из поселка и летом ездит, а зимой тем более.

– И чего так? – спросил Наполеонов.

– Когда-то озеро было чистым. В нем купались, ловили рыбу. Но в восьмидесятых годах прошлого века один из заводов проложил по дну оврага трубу и стал спускать туда неочищенные отходы. Потом спохватились, но рыба в озере перевелась. Теперь и завода давно нет, а природа все никак не справится с пережитым ею бедствием. Хоть и говорят, что рыба начала появляться, охотников ловить ее немного.

– Но ваш сын поехал на озеро.

– Он скорее ради забавы, а не ради ухи. Да и навряд ли поймал бы чего-нибудь.

– Зато нам улов ваши внуки знатный пригнали.

– Это не их вина.

– Пошутил я, – мрачно объявил Наполеонов, и группа отправилась в город.

Вести расследование, как и предполагал Наполеонов, поручили ему. Тем более что никаких сложностей не предвиделось. Личность утопленника была установлена быстро, так как он был объявлен в розыск. Им оказался Леонтий Андреевич Свиридов, человек обеспеченный, хоть и нигде не работающий. Живет сам, вернее, жил и содержал своих бывших жен и нынешнюю, а также всех прижитых с ними детей на капиталы, доставшиеся ему по наследству от отца. Вскрытие показало, что причина смерти естественная. Легкие заполнены водой из озера. То есть человек утонул. Никаких прижизненных травм или связываний на его теле не обнаружено. Дело можно закрывать. И все бы ничего, но на дыбы встала домработница Свиридова – Аграфена Тихоновна Лутковская, которая в детстве заменила ему мать. На ее сторону встал и Всеволод Анатольевич Крутов – бывший партнер отца Свиридова. Ныне он один рулит предприятием. Леонтий Свиридов имел акции, по которым ему регулярно выплачивались проценты с прибыли.

Начальник Наполеонова, полковник Солодовников, вызвал его к себе и проговорил:

– Тут такое дело, Саша (он один-единственный звал Наполеонова Сашей), надо бы все тщательно перепроверить со смертью Леонтия Свиридова. Вдруг там не все так чисто, как кажется на первый взгляд.

– Хорошо, Федор Поликарпович, – решил не спорить с начальником Наполеонов, – перепроверим.

– Вот и ладно, – благодушно проговорил Солодовников и отпустил следователя, – иди работай, Саша.

Наполеонов между тем стал думать, как убедить Лутковскую в самоубийстве Свиридова. Женщина напирала на то, что никаких причин у Леонтия для сведения счетов с жизнью не было. Деньги у него и впрямь имелись, женщины его любили, потомство с появлением каждой новой жены прибавлялось. Здоровье, опять же, по словам патологоанатома, отменное. Казалось бы, чего еще нужно человеку? Живи и радуйся! Ан нет, в прорубь нырнул.

«Но ведь могли быть и какие-то скрытые причины, – думал следователь, – которые могли подтолкнуть его к этой злополучной проруби».

Глава 4

Аграфена Тихоновна Лутковская, в свою очередь, видела следователя насквозь. «Такой лишний раз палец о палец не ударит», – сердито думала она о Наполеонове. Она считала, что все козыри в пользу того, что Леонтию кто-то помог утопиться, были у нее. Не мог он сам убить себя! Не мог. Но следователь стоял на своем и твердил ей, что нет даже косвенных улик чьей-то причастности к утоплению Леонтия.

– Назовите мне врагов Свиридова! – требовал он у Аграфены Тихоновны. – Хотя бы одного!

Но Лутковская сделать этого не могла. И Лия тоже. Никаких угроз в его адрес не поступало, никто его не шантажировал и ни с кем он не ссорился...

– Вы думаете, – обращалась Аграфена Тихоновна к следователю, – что Леонтий мог сам, по доброй воле, поехать на это заброшенное озеро?

– Конечно, мог! – живо откликнулся тот. – Если Свиридов решил уйти из жизни по собственному желанию, то уж точно ему не нужны были свидетели. И озеро это он наверняка присмотрел себе заранее.

– Не верю! – срывалась на крик Лутковская.

– Верю не верю к делу не пришьешь, – разводил следователь руками.

И тут, придя домой после очередной стычки со следовате-

лем, Аграфена Тихоновна вспомнила о своей старинной подруге – Марфе Егоровне Сазоновой. Когда-то давным-давно, как теперь казалось Лутковской, не в этой жизни, они вместе с Марфой приехали в город из позабытой богом деревни в поисках лучшей доли. И так как обе лучше всего умели справляться с домашними делами, то есть готовить, убираться, смотреть за скотиной, то и устроились домработницами. Скотины у хозяев не было, кроме кошек да собак. Зато были дети. За ними деревенские девушки умели ухаживать не хуже, чем за телятами.

Груня Лутковская устроилась в семью бизнесмена Свиридова.

А Марфа поступила на работу к прокурору Никите Павловичу Астахову. Но это только так говорится, что к прокурору. На самом деле всем в доме заправляла жена его Ираида Константиновна. По паспорту она была Ириной, о чем знали только самые близкие люди. Но для всех остальных она была Ираидой.

Вот и Марфа с легкой руки прокурорской жены стала Матильдой, да так ею и осталась.

Аграфена Тихоновна знала, что прокурор был давно на пенсии. «Но должны же были остаться у него какие-то связи», – рассуждала Лутковская. Это она и сказала своей давней подруге.

На что Матильда ответила: «Какие связи! О чем ты, Груня, говоришь! Этот старый пень и со слуховым аппаратом

мало что слышит. А может, и притворяется, как считает Ираида Константиновна, чтобы его лишний раз не донимали. Я спрошу лучше у Эвелины, может, она что-то посоветует».

Эвелину Астахову Лутковская знала еще маленькой девочкой. Злые языки говорили, что у нее, как у несчастной Жанны Французской, дочери Людовика XI, красивыми были только волосы и глаза. Лутковская понятия не имела, как выглядела Жанна де Валуа, но она точно знала, что уродливой Эвелина Астахова не была. Хотя и росла она некрасивой и стеснительной, но зато очень умной. Вот только ум, наверное, не слишком-то высоко котируется у молодых мужчин, или Эвелине просто не везло на здравомыслящих принцев. Хотя, по мнению многих, с умом у принцев беда, если они, конечно, принцы крови, а не выбились из народа. Так или иначе, но Эвелина оставалась старой девой до тридцати пяти лет. А два с половиной года назад ей неожиданно повезло: в санатории в Ялте она встретила профессора экономики, и он, недолго думая, сделал ей предложение руки и сердца. Эвелина, взвесив все «за» и «против», согласилась стать его женой. Через год после их свадьбы и вовсе случилось чудо! Эвелина родила чудесного младенца! Девочка росла точной копией своего симпатичного отца. Профессор, которому перевалило за пятьдесят и у которого от двух предыдущих браков не было детей, был в шоке от радости! Теперь он таскает Эвелину на руках и заваливает подарками.

Что и говорить, повезло так повезло, и притом обоим.

Но Матильда решила прибегнуть к помощи Эвелины во-все не из-за ее удачного замужества, а потому что до ухода в декретный отпуск она преподавала на юридическом факультете или, как выражалась сама Матильда, «наставляла оболтусов на путь истинный».

Эвелина внимательно выслушала просьбу домработницы и пообещала помочь, но сказала, что ей нужно подумать.

Спустя два дня она приехала в родительский дом, подошла к Матильде и вручила ей крохотный листочек бумаги, исписанный от руки.

– Что это? – широко раскрыла глаза Матильда и чуть не выронила листок из рук.

– То, что ты просила, – строго ответила Эвелина, – и держи хорошенько. – Она уже хотела уйти.

Но домработница на правах старшей, заботившейся о ней в детстве, ухватила молодую женщину за локоть и попросила:

– Эвелиночка, деточка, растолкуй мне, что это за телефон?

– Там же написано: частное агентство «Мирослава». Указан номер телефона. Хозяйку зовут Мирослава Игоревна Волгина.

– Ты сама сказала, что она не из полиции! – вырвалось у Матильды.

– А тебе что, полиция нужна? – Эвелина прищурила один глаз и посоветовала: – Позвони ноль два.

– Как тебе не стыдно смеяться над старым человеком, – укорила Матильда бывшую воспитанницу.

– Не такая уж ты и старая, – парировала Эвелина. – И потом, ты просила меня найти человека, который может провести тщательное расследование. Я нашла тебе такого человека. А ты чем-то недовольна.

– Нет, я довольна, – пошла на попятную домработница. – Но ты, Эвелина, уверена, что она, – Матильда кивнула на лист бумаги, – то, что нам нужно?

– Я когда-нибудь тебя подводила? – вместо ответа спросила Эвелина.

Матильда немного подумала и, покачав головой, сказала:

– Нет, никогда.

– Тогда дуй к своей Груше, – улыбнулась Эвелина и передай ей этот телефон.

– Я лучше по телефону ей передам, – потупилась Матильда.

– Что так? – заинтересовалась молодая женщина.

– Не хочу появляться в доме, где сейчас траур.

– Что ж, передай по телефону, – ответила Эвелина. – Если что, обращайся. – И она ушла, оставив Матильду наедине с ее надеждами и сомнениями.

Спустя минуту Матильда уже звонила своей подруге.

Аграфена Тихоновна внимательно выслушала ее, поблагодарила, не задав ни одного вопроса, и попрощалась. Лутковская, в отличие от Сазоновой, не сомневалась в благора-

зумности рекомендаций Эвелины, будучи уверенной в том, что, прежде чем рекомендовать кого-то, она узнала об этом человеке все, что только можно, поэтому номер телефона детективного агентства «Мирослава» она набрала со спокойной душой.

Когда трубку на том конце провода сняли, раздался, к ее небольшому удивлению, приятный мужской голос:

– Детективное агентство «Мирослава» слушает.

– Здравствуйте, – несколько хрипло проговорила Лутковская, но тут же прокашлявшись, быстро добавила: – Мне нужна ваша помощь.

– Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.

– Я Аграфена Тихоновна Лутковская.

– Кто вам порекомендовал наше агентство?

Набравшись терпения, Аграфена Тихоновна прочла по бумажке фамилию и отчество какого-то декана.

– Чем мы можем вам помочь? – все так же спокойно спросил голос.

– Убили Леонтия Андреевича Свиридова. Полиция утверждает, что Леонтий сам себя убил, и не хочет расследовать его убийство.

– А что случилось со Свиридовым?

– Леонтия утопили в проруби.

– Понятно. Кем вы ему приходитеесь?

У Лутковской оборвалось в груди, она еле-еле сумела заставить себя произнести:

– Я работаю долгие годы домработницей в их семье.

И, сделав судорожный вздох, добавила поспешно:

– Он рос у меня на глазах! Я почти что заменила ему мать.

Все это время она думала о том, что если ей откажут, то ее сердце не выдержит этого и разорвется от горя. Но вежливый мужской голос все так же спокойно спросил:

– Когда вам удобнее подъехать к нам?

– Да хоть прямо сейчас! – вырвалось у Аграфены Тихоновны.

Голос продиктовал адрес и спросил, сможет ли она подъехать к четырем часам вечера.

– Да! Конечно! – горячо заверила его Лутковская.

– Вы поедете на автомобиле? – спросил он.

– Да.

Он подробно объяснил ей, как добраться до их коттеджного поселка.

Отключить связь первой она не решилась, подождала, когда он попрощается и положит трубку. После чего бросилась собираться в дорогу, хотя часы показывали всего лишь одиннадцатый час.

Лие Аграфена Тихоновна решила пока ничего не говорить. И вообще, посвящать кого бы то ни было в свои планы было преждевременно.

Лия Артемьевна никогда не спрашивала домработницу, зачем и куда она отлучается из дома, происходило это, по видимому, из-за того, что сам Леонтий относился к Лутков-

ской не как к прислуге, а как к члену семьи, притом старшему.

Вот и на этот раз, когда Аграфена Тихоновна сообщила молодой женщине, что ей нужно уехать, та не спросила, куда и зачем, только кивнула, давая понять, что приняла ее информацию к сведению.

Лутковская скоро сообразила, что ехать в агентство еще рано. Она не сомневалась в том, что коттеджный поселок под охраной. Это значит, что ей нужно будет сообщить, к кому она приехала. Охранник позвонит детективам. И выяснится, что ей назначено на четыре вечера, а она заявила сейчас. «Нет, – подумала Аграфена Тихоновна, – лучше зайду в какое-нибудь маленькое кафе и там пережду, заодно и пообедаю.

Ровно так она и поступила. Но к коттеджному поселку она все-таки подъехала раньше на сорок минут. Взглянув на часы, она попятилась от ворот и остановила машину. Через пять минут к ее машине подошел бдительный охранник и постучал по стеклу. Лутковская опустила его и объяснила:

– Я приехала в детективное агентство «Мирослава», но мне назначено на четыре...

– Я сейчас им позвоню, – перебил ее охранник, – как ваша фамилия?

– Лутковская.

Он набрал номер и проговорил:

– Морис, тут к вам гражданка Лутковская. Ага, понял. –

И, обернувшись к Аграфене Тихоновне, сказал ей: – Проезжайте, возле их ворот подождете.

Аграфена Тихоновна покорно въехала на территорию поселка и, медленно продвигаясь, стала высматривать нужную ей улицу, а потом номер дома.

Ждать у ворот ей не пришлось. Не успела она затормозить, как они открылись и красивый парень в накинутой на плечи меховой куртке сделал ей приглашающий жест рукой.

Автомобиль Лутковской въехал на подъездную дорожку и остановился. Выбравшись из салона, женщина первым делом извинилась:

– Простите, я приехала немного раньше.

– Ничего страшного, – ответил парень и представился: – Я Морис Миндаугас, помощник детектива Мирославы Волгиной.

– А я Аграфена Тихоновна Лутковская.

– В таком случае пройдемте в дом. Мирослава Волгина уже ждет вас.

Введя клиентку в кабинет Мирославы, Миндаугас перешел в приемную, оставив женщин наедине. Для того чтобы быть в курсе происходящего в кабинете Волгиной, ему вовсе не обязательно было находиться там. Нажав кнопку под крышкой своего стола, Морис благодаря встроенному устройству слышал все, о чем там говорилось.

Мирослава приподнялась навстречу вошедшей клиентке, представилась и попросила ее присесть.

– Мне неудобно называть вас Мирославой, – смутилась Аграфена Тихоновна.

– Вы можете называть меня Мирославой Игоревной, если вам так удобнее, но вообще-то все называют меня Мирославой.

Лутковская тяжело вздохнула, а потом спросила:

– Вы ведь поможете мне?

– Прежде чем дать вам ответ, – мягко проговорила детектив, – я должна выслушать вашу историю.

– Да, конечно, простите меня, что-то я совсем бестолковая стала, – еще больше смутилась Аграфена Тихоновна.

– Я думаю, что вы наговариваете на себя, – все так же мягко проговорила Мирослава и добавила с ободряющей улыбкой: – Почти все мы смущаемся, попадая в непривычную обстановку.

«Хорошая девушка», – подумала про себя Лутковская и спросила:

– Так я начну?

– Да, конечно. Я внимательно слушаю вас.

– Я работала домработницей в доме отца Леонтия Свиридова, вырастила его и стала работать у него... Но кто-то убил его, утопив в проруби, а следователь твердит, что Леонтий утопился сам. Но это неправда!

– Вы не могли бы рассказать мне все с самого начала? – спросила Мирослава.

И Аграфена Тихоновна начала с той минуты, как она по-

стучала в дверь Свиридовых и ей открыла хозяйка дома Ольга Никифоровна, и о том, как ее вскоре не стало. И Андрей Борисович Свиридов, хозяин дома, остался один с маленьким ребенком на руках. Андрей Борисович больше не женился, и как-то так само собой получилось, что она заменила Леонтию мать. Она старалась воспитывать его хорошим, добрым мальчиком. И да! Доброты у Леонтия Свиридова не отнять. Но вот трудолюбия она ему привить не сумела. Леонтий с детства жил в сытости, тепле и довольстве, не зная никаких забот и особых ограничений. Дед Леонтия по материнской линии и отчасти отец строили свой бизнес в жестокое время конца прошлого века, вокруг полно было бандитов, у самих бизнесменов у многих руки по локоть в крови. Поэтому все старались оградить мальчика от злого мира. Самого Леонтия это вполне устраивало. Учиться мальчик не любил, повзрослев, он невзлюбил любую работу, которую предлагал ему отец. И если при жизни отца Леонтий был вынужден хоть где-то протирать штаны, то с уходом из жизни отца он освободился и от этой навязываемой ему, как он считал, кабалы и стал вести легкую, безоблачную жизнь, состоящую из одних удовольствий. Тем более что, продав партнеру отца почти весь бизнес, оставив себе малую часть акций, он мог себе позволить многое.

К счастью, Леонтия не интересовало спиртное, наркотики, азартные игры. У него было другое пристрастие – женщины! Леонтий без конца влюблялся и женился на своих из-

бранницах. Появлялись дети, а у него уже к этому времени срывало крышу от страсти к новой избраннице. Так у Леонтия появилось шесть жен. С последней, Лией, он прожил немногим более пяти лет.

– И тоже развелся? – спросила Мирослава.

– Нет, не успел, – вырвалось у Лутковской.

– А что, собирался? – уточнила детектив.

– Нет, ничего такого он не говорил, – ответила ошарашенная этим предположением Аграфена Тихоновна.

Мирослава смотрела на растерянное лицо женщины и думала: «Получается, что Свиридов всякий раз, надумав разводиться, информировал об этом свою домработницу, иначе не выглядела бы она столь недоуменной после ее слов. Выходит, и впрямь Леонтий почитал ее как мать».

– То есть вы, Аграфена Тихоновна, не припомните, чтобы Леонтий в последнее время говорил вам о новой женитьбе? – спросила она.

– Нет! Он ни словом не обмолвился мне об этом! – горячо заверила ее Лутковская. – У них с Лией все было хорошо. На День святого Валентина Леонтий пригласил всех своих жен. Лия сказала, что все было замечательно. А ночью, пока жены спали, Леонтий исчез и больше никто не видел его живым, – Лутковская тихо всхлипнула.

– Аграфена Тихоновна, – спросила Мирослава, – если у Леонтия все было хорошо с его последней женой, то зачем он приглашал на праздник всех предыдущих жен?

– Понимаете, я не знаю, как вам это объяснить, – замялась Лутковская.

– Объясните так, как есть, – попросила Мирослава.

Видя, что детектив не пытается осуждать ее воспитанника, Аграфена Тихоновна решилась сказать правду такой, какой она ее понимала:

– Леонтий не бросал ни одной своей жены! – горячо заверила она Мирославу.

– То есть? – слегка удивилась та.

– Он просто хотел жениться на еще одной женщине. Прежних жен он любил и заботился о них. Поэтому и на праздники всех собирал вместе.

– И его официальная жена мирилась с этим? – недоверчиво спросила детектив.

– Почему нет, – пожала плечами Лутковская, – ведь она знала обо всем заранее.

– То есть, правильно ли я вас понимаю, Леонтий заранее рассказывал избраннице о том, как сложится их супружество с приложением в виде предыдущих жен?

– Да, Леонтий никогда не обманывал своих девочек, – ответила Аграфена Тихоновна. И в ее голосе Мирослава слышала нотки явной гордости за своего воспитанника.

«Вот это да!» – подумала детектив про себя. У нее уже сложился образ Леонтия Свиридова: у Леонтия был богатый отец, наживший свой капитал в лихие девяностые. Потом к его бизнесу были присоединены и деньги тестя, судя по все-

му, немалые и навряд ли нажитые честным трудом. Единственного наследника в лице Леонтия холили и лелеяли. Рук замарать не дали, но и трудиться ни эти руки, ни голову не научили. В результате вырос шалопай. Женщины и легкая жизнь стали его хобби.

Бизнес, проданный партнеру отца, как она поняла со слов Лутковской, продолжал приносить доходы.

– Скажите, Аграфена Тихоновна, Леонтий растратил все деньги, что получил от партнера отца?

– Ну что вы! – махнула на нее рукой Лутковская. – Ту часть денег, что Леонтию выплатил Всеволод Анатольевич, мальчик положил в банк на свой счет.

– Мальчик – это Леонтий? – на всякий случай уточнила Мирослава.

– Конечно, он, – кивнула Аграфена Тихоновна, удивляясь недогадливости детектива.

– Назовите мне фамилию партнера Свиридова-старшего.

– Крутов его фамилия. Всеволод Анатольевич Крутов.

– Так вот, правильно ли я вас поняла, Крутов выплатил Леонтию не все деньги?

– Нет, конечно! – подтвердила Лутковская.

– Почему «нет, конечно»? – спросила Мирослава.

– Потому что ни один бизнесмен не может изъять сразу же из своего бизнеса такую крупную сумму, – с долей снисходительности пояснила домработница Свиридова.

– Ага, – кивнула Мирослава, – то есть Крутову еще вы-

плачивать и выплачивать?

– В некотором роде да, – задумчиво согласилась Лутковская.

– Аграфена Тихоновна, – переключила Мирослава ее внимание на другую тему, – у Леонтия шесть жен?

– Да, всего шесть.

– И от каждой имеются дети?

– Конечно, – с неосознанной гордостью ответила Лутковская и принялась перечислять: от Ани сын Георгий, от Тони дочь Елена и сын Иван, от Марины сын Дмитрий, от Зины дочь Мия, от Светы дочь Рая и сын Анатолий, от Лии сыночек Кирюшенька.

– То есть всего у Леонтия восемь детей, – уточнила Мирослава, – пять сыновей и три дочери?

– Да, наверное, – согласилась Лутковская.

И Мирослава догадалась, что Аграфена Тихоновна никогда не считала детей своего любимца. Она даже заподозрила, что по-настоящему Лутковская всю жизнь любила только самого Леонтия, вероятно, по-прежнему считая его ребенком. И может быть, еще последнего его сына, которого она так ласково назвала Кирюшенькой.

– А Кирюшу тоже вы воспитываете? – спросила Мирослава.

– Ну что вы! – добродушно отмахнулась Лутковская. – Кирюшей Лия сама занимается. И потом, у него есть чудесная няня Фая!

– Няня Фая? – переспросила детектив.

– Да, Фаина Михайловна Ермолаева. Но она еще совсем молоденькая, поэтому ее все Фaeй зовут. Но вы не думайте, – словно бы спохватившись, проговорила Аграфена Тихоновна, – Фaeю мы не с улицы взяли, нам ее прислало серьезное агентство. У девушки педагогическое образование и просто талант воспитателя. И характер у нее замечательный! – добавила Лутковская, кстати вспомнив о том, что Фаина и ее избавила от лишних хлопот.

– Хорошую няню, как я слышала, найти сейчас нелегко, – проговорила Мирослава.

– И не говорите! – охотно согласилась Лутковская. – Нам с Фaeй повезло! Вот и сейчас она согласилась без демонстрации какого-либо недовольства подержать Кирюшу у себя.

– Что значит, подержать Кирюшу у себя? – удивилась детектив.

– Да вы не беспокойтесь, – проговорила Аграфена Тихоновна, – Фae можно полностью доверять. К тому же девушка живет не на съемной квартире, а в своей. Она ей от прабабушки досталась.

Мирослава подумала про себя: «Это не мне нужно беспокоиться, а вам, вернее, матери ребенка».

Точно угадав ее мысли, Лутковская сообщила:

– Мы же не на честное слово Ермолаевой поверили, хоть она и из надежного агентства пришла, Лия все проверила и перепроверила.

– Хорошо, – сказала Мирослава, – я поняла, что Фаина Ермолаева – надежный человек и отличная няня, которой можно доверять. Я не поняла другого, почему Кирюша живет не дома, а у няни? – сказала Мирослава.

– Во-первых, дома сейчас гнетущая обстановка, сами понимаете, – принялась объяснять Лутковская, – а во-вторых, я забыла вам сказать, что Лия была серьезно больна.

– Как же в таком случае, праздную День всех влюбленных, Леонтий веселился с пятью женами, а шестая лежала в постели?

– Ну что вы! – искренне обиделась за своего воспитанника Аграфена Тихоновна. – Лия заболела после того, как Леонтий ушел и не вернулся!

– Как же это случилось?

– Очень просто! Девочка беспокоилась и то и дело выбежала на улицу, не всегда как следует одевшись. Вот и простыла! У нее поднялась высокая температура, кашель, насморк! Естественно, что Кирюшу было решено оставить у Фаи.

– Понятно, – кивнула Мирослава. – Леонтий уехал из дома на своей машине?

– Да. На черном «Лексусе».

– Куда делся автомобиль?

– Никуда он не девался. Машину нашли недалеко от проруби.

– Теперь же, Аграфена Тихоновна, я попрошу вас, – она пододвинула Лутковской лист бумаги, – написать мне име-

на, отчества, фамилии, адреса и телефоны всех жен и детей Леонтия. Также координаты бывшего партнера его отца и няни.

– Хорошо, – кивнула женщина.

– У Леонтия были друзья?

– Никаких особых друзей у Леонтия не было, – вздохнула Лутковская. Подумала и добавила: – В отрочестве и в юности он дружил с Васей.

– А полное имя Васи?

– Василий Сергеевич Кармазин.

– Вы знаете, где он живет?

– Да, конечно.

– Пишите. И номер его телефона.

– Чего не знаю, того не знаю, – ответила Лутковская. – Мне не приходилось ему звонить.

– Что ж, – едва заметно вздохнула Мирослава, – ограничимся пока его адресом.

Аграфена Тихоновна кивнула и продолжила писать, заполняя страницу своим аккуратным убористым почерком.

После того как Мирослава пробежала глазами написанное, она спросила:

– Аграфена Тихоновна, вы помните фамилию следователя, который занимается делом Леонтия?

– Конечно, помню, – сердито ответила Лутковская, – как такого забудешь?!

– Назовите мне его фамилию, пожалуйста.

– Наполеонов его фамилия! Александр Романович! От горшка два вершка! – Глаза Аграфены Тихоновны метали громы и молнии.

Мирослава облегченно выдохнула. Такой расклад ее вполне устраивал. «Достал Шурка бедную женщину», – подумала она про себя и отправила Лутковскую к Морису заключать договор. Перед этим она предупредила женщину, что, если после проверки всех фактов агентство убедиться в том, что следователь прав, ей все равно придется оплатить ежедневные расходы детективов. Аграфена Тихоновна покорно кивнула. Мирослава же, глядя на измученное лицо женщины, решила про себя, что вернет ей аванс, вычтя только сумму на расходы, если, конечно, Свиридов по доброй воле нырнул в прорубь. В чем она сама сильно сомневалась, иначе не взялась бы за расследование.

Глава 5

После составления договора и получения аванса Миндаугас проводил женщину до автомобиля и открыл ворота. По тому, как она тяжело забиралась на место водителя, он понял, что Лутковская сильно устала. Возможно, не столько физически, сколько морально. «И ее можно понять, – подумал он, – всю свою жизнь она отдала семье Свиридовых, и вот не стало последнего из них, если, конечно, не считать детей Леонтия. Но навряд ли Аграфена Тихоновна к ним привязана так же сильно, как к самому Леонтию. И теперь, можно сказать, она осталась одна на старости лет. Хорошо еще, если скопила деньги для безбедного существования». Морис тихо вздохнул и, закрыв ворота, побрел к дому.

Мирославы в кабинете не оказалось. Можно было набрать номер ее сотового и выяснить, где она. Правда, бабушка надвое сказала об удаче такой попытки. Сотовый мог валяться на столе в кабинете, в спальне, в гостиной. Иногда он находился на диване под брюхом у сладко спящего Дона. Так что проще просто обойти дом. Интуиция подсказала ему верный маршрут, и он нашел Волгину на кухне. Она как раз заваривала чай и уже налила в свою чашку. Увидев вошедшего Мориса, она спросила:

– Тебе налить?

– Если не трудно, – ответил он.

– Конечно же, трудно! – воскликнула она. – Но ради тебя я готова на все.

– Свежо предание, – усмехнулся он.

Но чай она ему все же налила. А он достал из буфета слойки с яблоками и поставил их на стол. После чего спросил:

– Ужинать будем?

– А мы что делаем? – ответила она, откусив кусочек слойки.

Морис тихо рассмеялся:

– Слышал бы Шура ваши слова.

– А! Кстати, Шура! – воскликнула она.

– Кстати? – переспросил Морис испуганно. – Он что, обещал сегодня приехать к ужину?

– Нет, бог миловал, – усмехнулась она, – можешь не дергаться. Просто я хотела сказать, что дело Свиридова Шура ведет. Вернее, не ведет, – добавила она.

– Это я слышал.

– Ну вот, надо его навестить.

– Вы хотите сказать ему, что мы взялись за это дело?

– Не нахожу причины, чтобы делать из этого тайну.

– Вам виднее, – ответил он уклончиво. Доел слойку, запил ее чаем и спросил: – Вы не верите в самоубийство Свиридова?

– Нет, – покачала она головой. – А ты?

– Мне тоже не верится, что молодой здоровый мужчина, можно сказать, полный жизненных сил, ни с того ни с сего

нырнул в прорубь. С чего Шура так решил?

– Скорее всего, вскрытие показало, что в легких вода и нет никаких прижизненных повреждений, – ответила она.

– Но ведь этого мало!

– Кому как, – усмехнулась Мирослава. Она сама работала следователем, прежде чем уйти на вольные хлеба, и знала, что бывает по-разному.

– Для того чтобы человек решился на самоубийство, он должен находиться в безвыходном положении или в депрессии.

– Если бы Свиридов был в депрессивном состоянии, Лутковская бы это заметила. А что ты считаешь безвыходным положением?

– Например, долги.

– Нет, судя по всему, с деньгами у Свиридова все было в порядке. Хотя на всякий случай займись этим.

– Хорошо, – кивнул он. – Но я все-таки думаю, что Свиридова убили.

– Согласна с тобой. Теперь наша задача найти этого человека. Судя по всему, убийца весьма умен. Он не оставил никаких следов, которые заметила бы полиция.

– Как можно сильного мужчину столкнуть в прорубь?

– Его нужно прежде всего обездвигить. Но как?

– Ударить сзади по голове...

– Не подходит. Патологоанатом нашел бы следы от удара.

По этой же причине отпадает шокер.

– Хлороформ?

– Сомневаюсь. В этом случае убийца должен был сидеть сзади. Интересно, нашли ли какие-либо следы в его машине.

– Скорее всего, нет.

– Я тоже так думаю, иначе полиция за это зацепилась бы.

– Что же остается?

– Какой-то быстрораспадающийся яд. Если в крови ничего не обнаружили.

– Машину уже, конечно, эвакуировали, – проговорил Морис.

– Естественно, но тем не менее нам стоит завтра прокатиться на место преступления.

– Хорошо, прокатимся.

– Но прежде я заеду к Шуре, а потом загляну к Незовибатько. – Она не стала говорить ему о том, что еще хочет побеседовать с полицейским фотографом. Миндаугас относился к Легкоступову настороженно. Скорее всего, банально ревновал.

– Теперь давай подумаем о том, кто мог желать смерти Леонтия Свиридова, – предложила Мирослава.

– Вы хотите сказать «убить его»? – поправил Морис.

– Я сказала именно то, что хотела сказать, – грустно улыбнулась Мирослава и пояснила: – Желать его смерти мог не один человек, а убил кто-то один. Хотя и здесь возможны варианты.

– Что ж, допустим, вы правы, – решил не спорить он, –

но лично я не вижу претендентов на роль недоброжелателей Свиридова.

– Да ладно тебе! – усмехнулась она.

Морис посмотрел на нее вопросительно. И Мирослава принялась рассуждать:

– Нам известно, что у Леонтия был богатый отец, наживший свой бизнес в девяностые годы прошлого века. Нажитое он не промотал, а приумножил, что позволило его сынку, не питающему страсти ни к учебе, ни к работе, жить припеваючи, не ударяя при этом палец о палец. И не просто жить самому, но и, по словам Лутковской, обеспечивать беззаботную жизнь всему своему гарему.

– Вы имеете в виду его жен и детей? – усмехнулся Морис.

– Их самых.

– Ну уж они-то, несомненно, чувствуют себя по гроб жизни обязанными Свиридову.

– Не скажи, – не согласилась Мирослава.

– Отчего же? Ведь они без забот и хлопот живут на всем готовом. Разве не к этому стремится большинство женщин? – спросил Морис.

– Я бы так не сказала, – не согласилась Мирослава. – Многие женщины хотят строить карьеру или, во всяком случае, чувствовать себя самостоятельными, зарабатывая собственные деньги. Тех, кто желает получать что-то из чужих рук, все меньше. Но если даже допустить, что все жены Леонтия Свиридова – тунеядки с психологией прирожденного ижди-

венца, то и в этом случае, даже получая от него все материальные блага, они могли возненавидеть его.

– Это за что же? – спросил Морис.

– Ты забываешь о том, что все они молодые женщины и у них имеются чисто физиологические потребности. Возможности же удовлетворить эту потребность они начисто лишены.

– Тут вы, пожалуй, правы, – без особой уверенности проговорил он, – но ведь далеко не все женщины обладают повышенной потребностью в сексе.

– Даже если их сексуальность не превышает норму, хотя кто ее устанавливал? Все равно мужчина требуется женщине для здоровья! – отрезала она.

Морис умолк.

Бросив на него насмешливый взгляд, она сказала:

– Ладно, перейдем от секса к социализации.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, ожидая подвоха.

– Ничего особенного, – пожала она плечами. – Просто женщины в большинстве своем предпочитают состоять в браке. Жены же Свиридова не просто разведены, а имеют неофициальный статус соломенных вдов!

– И вы думаете, что они решили стать вдовами не соломенными, а подлинными? – не выдержав, усмехнулся он.

– Почему бы и нет? – пожала плечам Мирослава. – Теперь-то получилось все как бы по-честному.

– Честным вы называете убийство? – голос Миндаугаса

прозвучал недоверчиво.

– Нет! Честным я считаю то, что теперь они не только разведены официально, но и свободны от его притязаний.

– И подачек, – напомнил он.

– Угу, – кивнула Мирослава, – теперь каждая из них получит солидный куш!

– То есть? Разве все достанется не его последней жене?

– Тоже мне юрист, – хмыкнула она. – Наследниками кроме жены Лии станут все дети Свиридова. А их матери, то есть все его бывшие жены, станут опекунами своих несовершеннолетних детей и таким образом дотянутся до денег Свиридова.

– Вы все это так живописуете, что у меня начинает складываться уверенность, что к убийству Леонтия причастны все его жены. Но в реальности это невозможно!

Мирослава весело рассмеялась и сказала:

– В таком случае перейдем к партнеру отца Леонтия, Всеволоду Анатольевичу Крутову.

– Его вы тоже подозреваете?

– А почему нет? – сделала вид, что удивилась, Мирослава.

– Зачем ему убивать сына своего бывшего партнера? Насколько я понял, Леонтий продал ему долю отца и в дела фирмы не лез.

– Так-то оно так, – согласилась Мирослава. – Но, как сообщила нам Аграфена Тихоновна, Всеволод Анатольевич до сих пор не расплатился с Леонтием полностью.

– Ну и что? Это не повод для убийства.

– Отчего же? Очень даже весомый повод. Можно допустить, что Крутов не захотел отдавать Леонтию оставшуюся сумму задолженности. К тому же, вне сомнения, у Крутова есть свои собственные дети. Скорее всего, они усердно трудятся наравне с отцом. Поэтому бизнесмен, имеющий за плечами девяностые годы, мог не увидеть ничего плохого в избавлении от трутня.

– Да, я слышал о том, что рабочие пчелы выпихивают осенью трутней из гнезда и оставляют умирать от холода и голода. Но люди все-таки не пчелы.

– Солнышко, – вздохнула Мирослава, – ты упустил из вида одну вещь.

– Какую же? – не понял он.

– Люди хоть и являются существами разумными, по мнению ученых, на самом деле их поступки нередко намного безнравственнее и безжалостнее, чем поступки каких-то там пчел.

– Вот так слушаешься вас, – проворчал Морис, – и начнешь жалеть, что не родился пчелой.

– В смысле трутнем? – расхохоталась она.

– Рабочей пчелой! Хотя вы меня используете подчас как рабочую лошадь!

– Если только подчас, – заметила она, – то ничего страшного с тобой не случится.

– Ладно, – махнул он рукой, – вам слово, а вы в ответ де-

сять. Надеюсь, что список подозреваемых в убийстве Свиридова у вас закончился.

– Зря надеешься!

– Кого же вы еще записали в подозреваемые? Надеюсь, не Лутковскую? – он сделал круглые глаза.

– Аграфене Тихоновне, пожалуй, невыгодно убивать своего воспитанника, – согласилась Мирослава. – Если, конечно, он не оставил ей все свое имущество.

– Она не может знать содержания его завещания и уж точно бы, будь она убийцей, с радостью ухватилась бы за версию следователя и поклонилась бы Наполеонову в ножки за закрытие дела.

– Ага. Уговорил, Аграфену Тихоновну не подозреваем.

– Значит, все?

– Нет! Есть еще няня Кирюши, сына Леонтия от Лии, Фаина Ермолаева.

– Няня-то тут с какого бока? – искренне удивился Миндаугас.

– Она могла влюбиться в него! Он, предположим, ее отверг! И вот результат!

Морис сделал вид, что вытирает пот со лба.

– С вами не соскучишься! Нет, я понимаю, если бы Леонтий соблазнил няню своего сына и выставил ее за порог! Тогда была бы какая-никакая причина. А так! Если бы со мной захотели расправиться все девушки, которых я отверг! – вырвалось у него.

Он тут же опомнился и оборвал фразу. Но сказанного было достаточно для появления на губах Мирославы иронической улыбки.

– С тобой все понятно, – проговорила она, не сводя с него насмешливых глаз. – Но в случае с любвеобильным, но не лишенным причудливого благородства Леонтием подходит именно отвержение, а не соблазнение!

– Это еще почему?

– Потому, что он женился на всех своих пассиях!

– Ах, да! – Морис хлопнул себя по лбу и спросил: – Теперь все?

– Нет! У Леонтия был друг Василий Сергеевич Кармазин. Я предполагаю, что Леонтий продолжал общаться с ним, хотя, скорее всего, не так часто, как в юности.

– И что? У друга тоже имелся зуб на Леонтия? – спросил Морис, не скрывая иронии.

– Этого я не знаю, – ответила Мирослава. – Но поговорить с ним не мешает.

– Теперь, насколько я понимаю, список подозреваемых исчерпан.

– Я бы так не сказала. Подозреваемыми могут быть мужчины, которым приглянулась та или иная жена Леонтия.

– То есть?

– Морис! Какой ты непонятливый! – укорила она его шутя. – Допустим, мужчина влюбился в одну из бывших жен Свиридова. У него серьезные намерения. А тут на пути к их

счастью как собака на сене развалился Леонтий!

– Если женщине серьезно понравится какой-либо мужчина, то она может выйти за него замуж, не спрашивая разрешения бывшего мужа!

– Может, – легко согласилась Мирослава, – но ты опять же забываешь о том, что в таком случае она лишилась бы значительной материальной поддержки со стороны Леонтия.

– Он бы продолжал платить алименты на детей!

– Свиридов нигде не работал. И алименты от него курам на смех! Копейки!

– Вы собираетесь искать всех этих гипотетических мужчин?

– Естественно! Я даже больше тебе скажу!

Он посмотрел на нее вопросительно.

– Искать их будешь ты!

– Я?! – Глаза Мориса полезли на лоб.

– Угу.

– Где?

– В интернете.

– Разве только в интернете, – неуверенно проговорил он.

– Тебя одолевает сомнение?

– Еще как одолевает! – подтвердил он. – Вы сами говорили, что жены Леонтия боялись потерять его благосклонность. В таком случае с чего бы они стали выставлять напоказ отношения с другими мужчинами, если бы они у них даже имелись?!

– Я не прошу тебя искать жен Свиридова в койке с другими мужчинами. Они могли засветиться с ними в весьма безобидных ситуациях. Например, на каком-либо мероприятии, где трудно понять, насколько близко знакомы друг с другом непринужденно общающиеся люди.

– Но я должен это угадать?

– Естественно! На то ты и профессионал.

– Хорошо, я понял. Какие еще будут поручения?

– Пока никаких! Ты забыл, что на завтра у нас намечается большая прогулка?!

– Как я мог забыть об этом! – Морис закатил глаза.

– То-то же, – удовлетворенно проговорила Мирослава.

Их ужин в этот вечер так и ограничился яблочными слойками, запитыми чаем. Правда, незадолго до сна, рассматривая в интернете фотографии жен и детей Леонтия Свиридова, они съели один апельсин на двоих.

Глава 6

На следующее утро, как и собирались, они отправились в город. Ехать, не сговариваясь, решили на «Волге» Мирославы, но за руль сел Морис. Миндаугас был единственным человеком, которому Волгина позволяла управлять своей машиной.

Следователь Наполеонов был искренне удивлен появлением в своем кабинете Мирославы. Мориса она оставила в машине.

– Ты зачем пожаловала? – спросил следователь. – Да к тому же еще и с пустыми руками.

– Извини, – улыбнулась она.

– Так чего тебе надо? Только не говори, что ты соскучилась, – сразу предупредил он.

– Я действительно соскучилась, – нисколько не смущаясь, нарушила она его запрет. – Но приехала я к тебе для того, чтобы посоветоваться.

– Посоветоваться? Со мной? – Он не скрывал своего удивления.

– Да, Шурочка, – она дотронулась до его руки. – Понимаешь, к нам в агентство обратилась Аграфена Тихоновна Лутковская. Она сказала, что ты занимаешься раскрытием дела по утоплению Леонтия Свиридова.

– Ничем я уже не занимаюсь! – нетерпеливо перебил ее

он. – Там и заниматься нечем! Свиридов этот сам в прорубь сиганул. Видно, изнемог от безделья, – проговорил Наполеонов сердито.

– Что-то мне ни разу не приходилось слышать, чтобы люди сводили счеты с жизнью из-за безделья, тем более если они ни в чем не знали нужды.

– Ты, наверное, имеешь в виду деньги? – спросил он насмешливо.

– Их, родимых, – подтвердила Мирослава.

– Так у него могли быть потребности, которые он не мог удовлетворить за деньги, – гнул свою линию Наполеонов.

– Это какие же такие потребности? – насмешливо спросила Мирослава. – Тяга к знаниям? Невозможность воплотить в жизнь свои интеллектуальные открытия?

– Зря издеваешься, – обиделся Наполеонов. – Почему мне знать, какая муха его укусила. Но факт остается фактом! Никаких следов насилия над Свиридовым ни снаружи, ни изнутри не обнаружено! Так что он самоубийца!

– А я вот с этим вердиктом не согласна! – сказала Мирослава. – И мы приступаем к расследованию.

– Не ожидал от тебя такой оплошности, – хмыкнул Наполеонов, – впрочем, если тебе хочется тянуть деньги из этой глупой гусыни, – поморщился он, – то я ничего не имею против.

– Кого это ты считаешь глупой гусыней? – спросила Мирослава.

– Лутковскую, кого же еще?!

– Не такая уж она и глупая, – заступилась Мирослава за свою клиентку.

– Ну конечно! Никак не может успокоиться! Мне все нервы истрепала! Теперь за вас взялась!

– Имеет право! – отрезала Мирослава. – А тебе, дружок, – Мирослава резко потянула друга детства за острый лисий нос, – пора давно уяснить, что я никогда и ни с кого не тяну, как ты выразился, денег понапрасну.

– Ой, больно! – вскрикнул Наполеонов и ухватился за покрасневший нос. – С ума, что ли, сошла?!

– Думай над словами, которые собираешься произнести, иначе и вовсе без носа можешь остаться.

– Злая ты! – сказал Наполеонов и вытер выступившие на глазах слезы. – Если тебе хочется тратить свое время понапрасну, то флаг тебе в руки! – добавил он сердито.

– Я как-нибудь и без флага справлюсь, – усмехнулась она и спросила: – Афанасий Гаврилович у себя?

– Где же ему еще быть! – все еще сердясь на подругу детства, ответил следователь. – Время-то рабочее.

– Спасибо, Шурочка! – она чмокнула его в рыжеватую макушку и выпорхнула из кабинета.

– Еще подлизывается, злыдня, – проворчал он.

Выйдя из следственного комитета, Мирослава сказала:

– Поехали теперь в управление, хочу поговорить с Афанасием Гавриловичем.

– А к Шахназарову не будете заходить?

– Нет. Ничего нового он мне не скажет. Все то же, что он изложил в заключении и сказал Шуре: никаких повреждений нет, а в легких вода. Это значит, что в прорубь Леонтий Свиридов попал живым.

Незавидатько приходу Мирославы, как всегда, обрадовался:

– Мирославушка! Голубушка моя! Удосужилась-таки навестить старого друга.

– Не такой уж он и старый, – отшутилась Мирослава, обнимая эксперта.

– Только не говори, что ты по делу! – чуть ли не испуганно воскликнул Незавидатько.

Мирослава молча развела руками.

– Ничего не скажу, пока не попьешь со мной чаю! – категорически заявил Незавидатько.

– Я бы с радостью, Афанасий Гаврилович, но меня внизу Морис ждет.

– В машине?

– Угу.

– Сиди тут, – велел Незавидатько.

Мирослава вздохнула и села на предложенный экспертом стул, а сам эксперт исчез на несколько минут, чтобы вернуться вместе с Морисом. Так что деваться детективам было некуда, и они послушно пили чай с бубликами, обсыпанными маком.

После выпитой каждым детективом второй чашки эксперт довольно улыбнулся и сказал:

– А теперь можно поговорить о деле.

Мирослава не заставила просить себя дважды и сразу же сказала:

– Афанасий Гаврилович, вы были возле проруби, в которой утонул Леонтий Свиридов?

– Был. А вы что, взялись за это дело? – Он обвел взглядом обоих детективов.

– Взялись, – призналась Мирослава.

– Но там вроде бы все говорит в пользу самоубийства, – нерешительно проговорил эксперт.

– Может быть, но мы хотим вникнуть глубже. Скажите, Афанасий Гаврилович, вы на месте преступления ничего подозрительного не обнаружили?

– Если ты имеешь в виду следы, то нет. Прошло много времени, и все снегом занесло.

– Машина стояла возле озера?

– Не совсем. Как бы поодаль.

– Она была неисправна?

– Отчего же, в полном порядке.

– В таком случае почему Свиридов не утопился вместе с машиной?

– Причины могут быть две. Первая – в прорубь с машиной не нырнуть. И вторая, и решающая, – в машине банально не было бензина.

– Как так? – удивилась Мирослава.

– А так – ни капельки!

– Странно, почему Свиридов не заправил машину.

– Наверное, решил, что доехать до места хватит, а потом она ему больше не понадобится.

– Но ведь ему могло не хватить бензина и на то, чтобы добраться до озера.

– Если бы Наполеонов не заиклился на версии самоубийства, я бы предположил, что за рулем сидел не хозяин автомобиля. Он-то и упустил из вида, что бензин в бензобаке на нуле.

– А вы говорили об этом Шуре?

– Говорил.

– А еще что-нибудь есть, Афанасий Гаврилович?

– Я подумал, что Свиридова могли волоочь волоком, и проследовал по предполагаемому пути волочения. Как я говорил, снег замел следы. Но там на пути куст терновника, и за него зацепилось зеленое волокно.

– Оно совпало с чем-нибудь из одежды Свиридова.

– Нет, – покачал головой Незовибатько, – это волокно не было идентично ни одной вещи, надетой на утопленнике.

– Жаль, – обронила Мирослава.

– Мне тоже, – согласился Незовибатько.

– Но вы ведь сохранили это волокно? – спросила детектив.

– Обижаете, Мирослава Игоревна, – укоризненно ответил эксперт.

– Извините. Спасибо вам, Афанасий Гаврилович, и за угощение, и за информацию.

– Не за что. Если что-то понадобится, заходите. А лучше приходите просто так, – пригласил Незовибатько и пошел проводить детективов.

Когда они уже сидели в машине, Мирослава сказала:

– Ты как хочешь, а мне нужно повидаться с Легкоступовым.

– Зачем? – быстро спросил Морис.

– По делу, – сухо ответила она.

– Я могу присутствовать при вашей беседе?

– Лучше не надо.

– Хорошо. Раз надо, то разговаривайте, я подожду вас в машине.

Мирослава достала мобильник и набрала номер Валерьяна Легкоступова.

– Валера, привет, – сказала она, когда он отозвался, – это Мирослава.

– Я узнал, – ответил он.

– Мне очень нужно поговорить с тобой, – сказала Мирослава, сделав ударение на слове «очень».

– Где и когда? – спросил Валерьян.

– Сейчас. В кафе за углом. Ты придешь?

«Куда я денусь?» – подумал он про себя, а вслух произнес:

– Уже выхожу.

Мирослава выбралась из салона «Волги» и, сказав Мори-

су: «Я ненадолго», поспешила к кафе. Она пришла первой и дождалась Легкоступова возле стойки бармена. Он же вошел в кафе и стал высматривать ее за столиком.

– Валер, я здесь, – окликнула она и коснулась его плеча.

Он резко обернулся и поправил машинально:

– Валерьян.

– Валерьян, – повторила она и улыбнулась. Потом кивнула: – Вон столик свободный, пойдем присядем. – При этих словах она взяла его за руку и потянула за собой.

И Легкоступов пошел за ней, как бычок на веревочке.

– Что будем заказывать? – спросила детектив, усаживаясь за столик.

– Я бы уже и пообедал заодно, – проговорил он смущенно.

– И то верно, – согласилась она, придвигая ему меню. Сама же ограничилась половиной порции салата. Подумав, заказала еще два пирожка.

По тому, что есть она их не стала, а положила в сумку, Валерьян догадался, что Морис поблизости.

Мирослава заметила его вздох сожаления, который он попытался скрыть, и улыбнулась.

– Давно не виделись, – сказала она ласково.

– Да, – согласился он.

– Не буду спрашивать, как у тебя дела. И так вижу, что все хорошо. Ты ешь, ешь, – проговорила она, продолжая улыбаться. И сама принялась за свой салат. Он же стал есть суп с белой фасолью, которую обожал с детства, и думал о том,

что Мирослава удивительная девушка и что таких на свете больше нет. Но в кафе она его вытащила уж точно не ради его красивых глаз. Хотя никто не станет отрицать, что глаза у Валерьяна красивые. Большие, серые, чаще всего они напоминали прибрежную гальку, омытую чистой водой. Но когда на него нападала задумчивость, его глаза становились дымчатыми, как, например, сейчас. «Ей от меня что-то нужно, – думал Валерьян, – но что именно, она скажет не раньше, чем я съем суп, котлету и допью компот». Хотя, к его огорчению, встречались они нечасто, он тем не менее успел изучить некоторые ее привычки. «Интересно, что ей нужно на этот раз, – продолжил размышлять Валерьян, не замечая того, что он жует один хлеб, а котлета так и лежит на тарелке, – вроде бы сейчас у нас нет никаких особо интересных дел. Так, одна рутина...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.